

В-третьих, европейские начала господства закона, правовой государственности, естественных прав человека – деформация секуляризованной общественной культуры. В обществе, где вера потеряна и отсутствуют высшие идеалы, порядок и внешняя гармония могут быть обеспечены полицейскими средствами контроля, закона и принуждения. Высокая правовая культура Запада на деле оборачивается нравственным разложением, духовным падением. Поэтому для современного человечества актуальным должен быть поиск альтернатив европейской культуре потребительства. Русским ответом может быть православная концепция внутренней правды, с помощью которого возможно преодоление пороков индивидуализма, неестественных прав, обмирщения, на основе соборной любви, нравственного единства и права как долга.

Глава 6. Охранительные политико-правовые доктрины России в последней трети XIX в.

6.1. Государственно-правовые взгляды почвенников (Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов)

По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем

*иным более. Сие и
буди, буди!*

*Ф.М.
Достоевский
«Братья
Карамазовы»*

*Я хочу не
такого общества,
где я не мог делать
зла, а такого
именно, где я мог
бы делать зло, но
сам не хотел его
делать.*

*Ф.М.
Достоевский*

Государство и право в христианском мировоззрении почвенников не были самодовлеющими и абсолютными ценностями, как в западноевропейской мысли, где с идеей правовой государственности и концепцией прав человека связывали будущее идеальное устройство общества. Более того, для почвенников, как и большинства консервативных мыслителей России, был чужд взгляд на государство и право как великие достижения европейской культуры. Так, Буркхард и вовсе стал рассматривать государство с эстетической стороны как произведение искусства. Почвенники же государству и праву отдавали самое необходимое и традиционное место в православной культуре – крайнего средства борьбы со злом, защиты от внешних врагов. При этом, по мысли почвенников государство и право с необходимостью должны иметь духовную санкцию. Государственно-правовые институты подчинены религиозным ценностям общества и должны служить охране нравственности, но не превращаться в фетиш и самостоятельные ценности общественной жизни.

В «Дневнике Писателя» Ф.М. Достоевский о духовно-нравственных основаниях государства записал следующее: «Чтобы сохранить полученную духовную драгоценность, тотчас же и влекутся друг к другу люди, и тогда

только, ревностно и тревожно, «работою друг подле друга, друг для друга и друг с другом», - тогда только и начинают отыскивать люди: как бы им устроиться, чтобы сохранить полученную драгоценность, не потеряв из нее ничего, как бы отыскать такую гражданскую формулу совместного жития, которая именно помогла бы им выдвинуть не весь мир, в самой полной ее славе, ту нравственную драгоценность, которую они получили. И заметьте, как только после времен и веков начинал расшатываться и ослабевать в данной национальности ее идеал духовный, так тотчас же начинала падать и национальность, а вместе и падал и весь ее гражданский устав, и померкали все те гражданские идеалы, которые успевали в ней сложиться. В каком характере слагалась в народе религия, в таком характере зарождались и формулировались и гражданские формы этого народа. Стало быть гражданские идеалы всегда и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что несомненно из них только одних и выходят... А стало быть, «самосовершенствование в духе религиозном» в жизни народов есть основание всему, ибо самосовершенствование и есть исповедание полученной религии, а «гражданские идеалы» сами, без этого стремления к самосовершенствованию, никогда не приходят, да и зародиться не могут».

Ф.М. Достоевский сформулировал своего рода закон возникновения и развития государственных и общественных форм. Религия народа предопределяет его государственный уклад, обеспечивает эффективность и силу государственного организма. Оскудение и разложение религиозных идеалов неизбежно приводит к разрушению и гибели государственных и общественных форм. Поэтому первейшей задачей общественного целого должно быть сохранение религиозных ценностей народа и нравственное самосовершенствование общества. Тогда и государственное устройство будет устойчивым, нравственно оправданным в глазах общества и действительно справляться с вверенной ему охраной общества и борьбой со злом.

Идеалом государственного развития почвенники считали перерождение государства в церковь – принудительно обеспечиваемого единства к свободной общине верующих христиан. В «Братьях Карамазовых» отец Паисий говорит: «Господь наш Иисус Христос именно приходил установить церковь на земле. Царство небесное, разумеется, не от мира сего, а в небе, но в него входят не иначе как через церковь, которая основана и установлена на земле... Церковь же есть воистину царство и

определена царствовать и в конце своем должна явиться на всей земле несомненно – на что имеем обетование»²²³.

Государственная организация общества всего лишь ступенька в развитии человечества, чьи задачи сводятся к насильственному поддержанию порядка и сдерживанию внешнего зла. Но, по своей природе государство не способно духовно преобразить человека и искоренить зло в его душе. Поборовший же в себе грех человек более не нуждается в государственной машине, которая сохраняется до тех пор, пока есть порочные и злые души. Иными словами, в нравственно совершенном обществе отпадает необходимость в существовании государства. В несовершенном же обществе функции государства весьма ограничены и сводятся к поддержанию общественного порядка и внешней справедливости в человеческих отношениях, а также противостояние внешнему врагу.

Культ государства в европейских странах, имеющий языческое происхождение, в XX – XXI вв. привел к становлению полицейского государства в странах Западной Европы. В полицейском государстве общественный порядок поддерживается силой государственного принуждения и ценой тотального закрепощения людей. Установленные законом рамки поведения снабжены суровыми санкциями. Человек не нарушает закон не по велениям совести, а из-за страха перед наказанием. Сама идея полицейской государственности вырастает на культуре государственного насилия и закона, забывая о необходимости в первую очередь заботиться о душе человека. Соблюдение человеком внешних правил приличного поведения – самых элементарных правил поведения, число которых постоянно растет, считается верхом добродетели. Душевный склад и жертвенные поступки ради других не вписываются в эту систему координат. Государство требует минимального порядка, тогда как церковная община и совесть ждет от человека высших проявлений духа и добрых дел.

Парадоксально то, что государство как механическое, вынужденное объединение людей превращается в фетиш и признается пределом общественного развития. Тогда как роль и возможности государства по природе своей весьма ограничены и были всегда связаны с борьбой против внешнего агрессора и обеспечением порядка внутри общества. Постепенная этатизация общества, начиная с эпохи Нового Времени, выливается в ничем необоснованный рост государственного аппарата и расширение функции

---

²²³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: «Эксмо», 2003. С. 64.

властных органов. Так, в современной России государственный аппарат вместе с армией превысил по численности советскую бюрократическую систему и составляет около 7 млн. человек. Однако, эффективность государства крайне низка и на наш взгляд во многом это объясняется выполнением государством не свойственных ему функций, которые следовало предоставить общественному самоуправлению.

Именно против языческого культа государственности, этатизации общества и фетишизации государства выступали почвенники, подчеркивая переходный, низший характер государственных институтов по отношению к идеальному земному строю – общине верующих.

В «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевский раскрывает христианский идеал общественного устройства в беседе Ивана Карамазова с отцом Паисием: «Вся мысль моей статьи, – говорит Иван Карамазов – в том, что в древние времена, первых трех веков христианства, христианство на земле являлось лишь церковью и было лишь церковью. Когда же римское языческое государство возжелало быть христианским, то непременно случилось так, что став христианским, оно лишь включило в себя церковь, но само продолжало оставаться государством языческим по-прежнему, в чрезвычайно многих своих отправлениях. В сущности так несомненно и должно было произойти. Но в Риме, как в государстве, слишком многое осталось от цивилизации и мудрости языческой, как например самые даже цели и основы государства. Христова же церковь, вступив в государство, без сомнения не могла уступить ничего из своих основ, от того камня, на котором стояла она, и могла лишь преследовать не иначе как свои цели, твердо поставленные и указанные ей самим господом, между прочим: обратить весь мир, а стало быть, и все древнее языческое государство в церковь. Таким образом (то есть в целях будущего), не церковь должна искать себе определенного места в государстве, как «всякий общественный союз» или как «союз людей для религиозных целей, а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь вполне и стать ничем иным, как лишь церковью, и уже отклонив всякие несходные с церковными свои цели. Все же это ничем не унизит его, не отнимет его чести, ни славы его как великого государства, ни славы властителей его, а лишь поставит его с ложной, еще языческой и ошибочной дороги на правильную и истинную дорогу, единственно ведущую к вечным целям...

- То есть в двух словах, - упирая на каждое слово, проговорил опять отец Паисий, - по иным теориям, слишком выяснившимся в наш девятнадцатый век, церковь должна перерождаться в государство, так как

бы из низшего в высший вид, чтобы затем исчезнуть, уступив науке, духу времени и цивилизации. Если же не хочет того и сопротивляется, то отводится ей в государстве за то как некоторый лишь угол, да и то под надзором, - и это повсеместно в наше время, в современных европейских землях. По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем более иным более. Сие и буди, буди!»²²⁴.

Государственная организация общества, хотя и необходима в земной, грешной жизни, но ни коем случае не может быть пределом общественного совершенства и приводит в итоге к созданию тоталитарных, полицейских режимов – тюрьмы для народов. По сути дела и к государству относятся слова Ф.М. Достоевского из «Записок из мертвого дома»: «Впоследствии я понял, что, кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: вынужденное общее сожительство. Общее сожительство, конечно, есть и в других местах; но в острог-то приходят такие люди, что не всякому хотелось бы сживать с ними, и я уверен, что всякий каторжный чувствовал эту муку, хотя, конечно, большею часть бессознательно»²²⁵.

На наш взгляд ошибочно Н.А. Бердяев охарактеризовал идеал земного устройства человечества для Ф.М. Достоевского как теократическую утопию – правление на земле церкви как социального института, соединение светской и духовной властей в руках церковных иерархов. Н.А. Бердяев пишет: «Достоевский был провозвестником своеобразной православно-русской теократической идеи, религиозного света с Востока... В теократической идеологии Достоевского нет ничего особенно оригинального и есть много противоречащего его основным и действительно оригинальным религиозным идеям... В ней остается ложное, юдаистически-римское притязание церкви быть царством в мире сем, остается роковая идея Бл. Августина, которая должна вести к царству Великого Инквизитора»²²⁶.

Однако, Н.А. Бердяев превратно истолковал взгляды писателя, сведя его убеждения к рассуждениям Великого Инквизитора. В действительности Федор Михайлович вскрыл ложный характер идеи

²²⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: «Эксмо», 2003. С. 64 – 65.

²²⁵ Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. – М.: АСТ, 2004. С. 227 – 228.

²²⁶ Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. – М.: АСТ, 2006. С. 177 – 178.

превращения церкви в государственный институт – теократию, что неоднократно ранее было показано выдержками из романов и публицистических статей писателя. Более того, Ф.М. Достоевский имел в виду не теократию как идеал земного устройства, а постепенное свободное развитие принудительного единства в соборную общину верующих, которая наступит только в конце света – апокалипсисе. Речи и нет в произведениях писателя о том, что возможен земной рай, который не раз им отвергался как увлечение материализмом или идеей римского, языческого государства.

В своей земной жизни человек должен всемерно продвигаться по пути к соборному единству, которое возможно в своем завершенном виде только на небесах – в конце земной истории. Земной град должен приближаться ко своему идеалу – общине верующих без государства и закона. И не должна церковь использовать в достижении любви, добра и милосердия государственных средств – насилия, армии, суровых законов и т.п. принудительные механизмы и институты бессильны в воздействии на душу человека, его духовную свободу. Внешне человек может и покориться, но внутри таить злые и греховные помыслы, которые рано или поздно при ослаблении контроля государства прорвутся и выльются в агрессивные преступления против других людей.

До тех пор пока общество не стало церковью необходимо государство как средство охранения людей от внешних врагов и нарушений порядка. Почвенники не раз подчеркивали неизбежность возникновения государства в России для сопротивления агрессивной внешней среде с Востока и Запада. Более того, они подчеркивали мощь русского государства, но не возводили его в конечный итог общественного развития. Н.Н. Страхов в статье «Роковой вопрос» отмечал: «Наши мысли обращаются к единому видимому и ясному проявлению народного духа, к нашему государству. Одно у нас есть: мы создали, защитили и укрепили нашу государственную целостность, мы образуем огромное и крепкое государство, имеем возможность своей, независимой жизни. Немало было для нас в этом отношении опасностей и испытаний, но мы выдержали их; мы крепко стояли за идею самостоятельности и независимости...»²²⁷.

Независимость, «самодержавие», суверенность России – итог бесчисленного множества войн. Мощь русского государства не в размерах и функциях государственного аппарата, а в той силе духа, который обеспечивает русскую самостоятельность. Роль и функции русского

---

²²⁷ Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 40.

государства прямо пропорциональны силе внешней агрессии. Но, на большее, создание идеальной, нравственной жизни русское государство не претендует. Оно выполняло исторически лишь охранительную функцию, но монополизировало сферу сострадания людям, экономического производства и т.п., осуществляемого обществом самостоятельно. Поэтому нынешние функции государства в социальной и экономической сферах не являются безусловно необходимыми, а по своей природе должны быть возвращены общественному самоуправлению.

Единственно возможной формой правления в России по мысли почвенников может быть самодержавие, основанное на православной вере и тесной связи народа с царем. В немногочисленных работах почвенников по вопросам формы государства можно обнаружить ряд традиционных черт русского самодержавия, признаваемых всеми консервативными мыслителями России от Карамзина до Тихомирова и Солоневича.

- 1. Патриархальность взаимоотношений царя и народа, при которой царь подобен отцу большой семьи и заботится о своих детях – народе;**
- 2. Органическое единство народа и царя, выражающееся в их взаимном доверии и любви;**
- 3. Самодержец выступает силой соединяющей и укрепляющей дух народный;**
- 4. Самодержавие вместе с тем обеспечивает подлинную свободу духовной жизни и сочетается с широкими правами местного самоуправления.**

Существо и значение русского самодержавия Ф.М. Достоевский очень точно выразил в следующих словах: «Это дети царевы, дети заправские, настоящие, родные, а Царь их отец. Разве это у нас только слово, только звук, только наименование, что «Царь им отец»? Кто думает так, тот ничего не понимает в России! Нет, тут идея, глубокая и оригинальнейшая, тут организм, живой и могучий, организм народа, слиянного с своим царем воедино. Идея же эта есть сила. Создавалась эта сила веками, особенно последними, страшными для народа двумя веками, которые мы столь восхваляем за европейское просвещение наше, забыв, что это просвещение обеспечено было нам два века назад крепостной кабалой и крепостным страданием народа русского, нам служившего. Вот и ждал

народ Освободителя своего и дождался, - ну так как же они не настоящие, на заправские дети его? Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя, а всенародная, всеединящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что от нее только одной ждал исхода своего из Египта. Для народа Царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований... Да ведь это отношение народа к Царю, как к отцу, и есть у нас то настоящее, адамантовое основание, на котором всякая реформа у нас может зиждиться и созиждется. Если хотите, у нас в России и нет никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей и ведущей нас, как эта органическая, живая связь народа с Царем своим, и из нее у нас все и исходит»²²⁸.

Н.А. Бердяев недоумевает по поводу этих строк и видит в них смешение веры в будущую вселенскую церковь с империализмом: «Легенда о Великом Инквизиторе – самое анархическое и самое революционное из всего, что было написано людьми. Никогда еще не был произнесен такой суровый и уничтожающий суд над соблазном государственности, над империализмом, никогда еще не была с такой силой раскрыта антихристианская природа земного царства и не было еще такой хвалы свободе, такого обнаружения божественности свободы, свободности Христова духа. Но это анархизм на религиозной почве, не «мистический анархизм», а теократический анархизм, это творческая революция духа, а не революционно-анархическое разрушение и распадение. Это отрицание всякого человековластия, всякого обоготворения человеческой воли, всякого устроения земли во имя Боговластия, соединения земли с небом. И остается непонятным, как мог автор «Великого Инквизитора» защищать самодержавие, соблазниться византийской государственностью»²²⁹.

Во-первых, будущий идеал соборного братства людей возможен при условии нравственного совершенства людей, а до той поры существование государства неизбежно. Здесь важно увидеть в мировоззрении Ф.М. Достоевского то, что идеальное общественное устройство не нуждается во власти, поскольку любой авторитет будет покусением на чистую свободу людей.

Во-вторых, поскольку государство исторически неизбежно, постольку единственной формой правления в России может быть самодержавие, но не империализм, тесная, органическая связь народа с

²²⁸ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн.2.: Дневник писателя. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. С. 463 – 464.

²²⁹ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – М.: АСТ, 2006. С. 199.

царем, а не жесткое подавление личности и стремление к расширению своей территории и ресурсов.

В-третьих, одно православное самодержавие может служить достижению цели свободной братской общины верующих. Охраняя народ от внешних и внутренних угроз, самодержавия дает ему свободу общинной и духовной жизни. Ф.М. Достоевский верно замечает: «А что у нас все основное как нигде в Европе, то вот вам тому первый пример: у нас свобода – у нас гражданская свобода может водвориться самая полная, полнее, чем где-либо в мире, в Европе или даже в Северной Америке, и именно на этом же алмазном основании они и созиждется. Не письменным листом утвердится, а созиждется на детской любви народа к Царю, как к отцу, ибо детям можно многое такое позволить, что и немисливо у других, у договорных народов, детям можно столь многое доверить и столь многое разрешить, как нигде еще не бывало видно, ибо не изменят дети отцу своему и, как дети, с любовью примут от Него всякую поправку всякой ошибки и всякого заблуждения их»²³⁰.

В-четвертых, русское самодержавие ничего общего не имеет с абсолютизмом и имперскими государствами, ограничивающими свободу общества. Самодержавие предполагает свободу местного самоуправления, взаимное доверие царя и народа. Причем именно общинное самоуправление более эффективно и справедливо может разрешать социальные и экономические задачи – распределения материальных благ, помощи нищим и больным, детям и старикам, причем деятельной душевной помощью, на что государство не способно.

Так, А.А. Григорьев в статье «Взгляд на историю России» резко критикует прозападническую государственную теорию централизации С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина и др., опираясь на идею самопроизвольного, органического развития русской общины и децентрализации управления. Исследователь жизни и творчества А.А. Григорьева С.Н. Носов пишет: «Григорьев хотел видеть в истории России прежде всего естественный вольный процесс саморазвития «народного организма», пытаюсь согласовать и «примирить» между собой разнородные, конфликтные исторические явления – христианство и язычество, областной сепаратизм и стремление к «собираанию земли русской»... Не централизацию, а развитие местного самоуправления, региональной политической, социальной и

---

²³⁰ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн.2.: Дневник писателя. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. С. 465.

культурной автономии считает Григорьев желанным и позитивным в историческом развитии России»²³¹.

Во взглядах на право почвенники были традиционалистами и отдавали предпочтение духовно-нравственным регуляторам и обычаям русского народа, нежели юридическим, формальным правилам поведения. Ими подчеркивалось служебное, подчиненное положение юридических норм по отношению к православной морали и традициям России. В законе они видели более низкую ступеньку в развитии нравственного самосознания человека. Закон принудительно связывает поведение человека, тогда как его поступки должны быть результатом свободного выбора и проистекать их христианской совести.

В этом плане почвенники, как и многие другие охранители, выражают сквозную для русской мысли идею – соотношения закона и благодати, обозначенную еще митрополитом Иларионом в XI в. Благодать открывается только преодолевшему закон человека, не из необходимости, а по доброй воле творящего добро. Закон лишь приуготовляет колеблющихся и слабых к свободному принятию божественной истины. Но, господство закона обрекает человечество на рабство, возвращает его в языческие времена – в царство не совести, а необходимости, не свободы духа, а покорности и рабства перед мертвенной буквой закона.

И.А. Есаулов отмечает: «митрополит Иларион в первом же оригинальном произведении русской словесности намечает два возможных способа ориентации человека в мире: *самоутверждение в земной жизни* и *духовное спасение*, для достижения которого необходимо освободиться от "рабства" земных забот. Н. Афанасьев — спустя почти тысячелетие — то же разграничение применяет, описывая благодать как антипод "правового пространства". Напомним, что для последнего "благодать исключает право подобно тому, как благодать <...> исключила ветхозаветный закон... Признание права есть отказ от благодати <...> есть возвращение к закону".

Конечно, в этом разграничении протопресвитер исходит из православной традиции, согласно которой благодать понимается как результат спасительного воздействия на человека Святого Духа и традиционно противополо-

---

²³¹ Носов С.Н. Аполлон Григорьев. Судьба и творчество. – М.: Советский писатель, 1990. С. 139.

ставляется закону как категория сверхзаконная, а потому и "отменяющая" в перспективе все правовые отношения»²³².

Поступки, совершаемые человеком в силу одних только требований закона, из-за страха перед возможным наказанием – проявление человеческой слабости, несовершенства духа человека и его совести. Поэтому закон не способен внешними силами государственного контроля зародить в человеке совесть, нравственные ценности, а может лишь оградить других людей от всплесков агрессии слабых духом людей.

Кроме того, человеческий закон заведомо ограничен в своих возможностях воздействия на поведение людей, особенно в не предусмотренных нормами права ситуациях. И по своему механизму действия требования закона абсолютно бессильны в отношении внутренней, душевной жизни человека. Бездушные правила, не учитывающие нравственные стороны поведения человека, состояние совести, на деле приводят к несправедливым решениям. Ф.М. Достоевский справедливо в «Записках из мертвого дома» отметил: «более всего занимала меня одна мысль, которая потом неотвязчиво преследовала меня во все время моей жизни в остроге, - мысль отчасти неразрешимая, неразрешимая для меня и теперь: это о неравенстве наказания за одни и те же преступления. Правда, и преступление нельзя сравнить одно с другим, даже приблизительно»²³³.

Причем, что еще более знаменательно, юридическое правомерное поведение может быть по своей нравственной стороне бесчеловечным и аморальным. Вот почему юридическая сентенция «мысли не наказуемы» в православной традиции звучит абсурдно. Сами по себе греховные помыслы, еще не приведшие к преступлениям, нравственно осуждаются, и человека начинает мучить совесть. Здесь не только важно внешнее поведение человека, но его внутренняя, мотивационная, эмоциональная сферы. Юридически можно быть законопослушным человеком, но при этом преступить в себе нравственный закон.

Так, в «Братьях Карамазовых» Дмитрий Карамазов после допроса по обвинению его в убийстве отца заявляет: «Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очишусь!... в крови

---

²³² Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Изд-во Петр-го ун-та, 1995. С. 89.

²³³ Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. – М.: АСТ, 2004. С. 252.

отца моего не повинен! Принимаю казнь не за то, что убил его, а за то, что хотел убить и, может быть, в самом деле убил бы...»²³⁴. Дмитрий Карамазов готов нести нравственное наказание за одни только об убийстве отца, но привлекается ошибочно к ответственности за несовершенное им преступление. С другой стороны, его брат Иван Карамазов, грезивший о смерти отца, юридически невиновен, тогда как руками Смердякова он лишил жизни человека. Его совесть языком Смердякова говорит: «вы виновны во всем-с, ибо про убийство вы знали-с и мне убить поручили-с, а сами, все знавши, уехали. Потому и хочу вам в сей вечер это в глаза доказать, что главный убийца во всем здесь единый вы-с, а я только самый не главный, хотя это и я убил. А вы самый законный убийца и есть!»²³⁵.

Западноевропейские концепции о правовом государстве и правах человека, предполагающие возвышение закона над остальными социальными регуляторами, почвенники признавали ложными и опасными для человечества. Недостаток таких абсолютизирующих роль права теорий в том, что их создатели ошибочно полагают, что одним законом можно обеспечить порядок и сдержать преступность, и даже более внести в жизнь братство, равенство и справедливость. Как показывает статистика количества совершаемых преступлений, юридические средства оказываются неэффективными в противодействии преступному поведению людей. К примеру, в оплоте демократии и прав человека – США в 2007 г. было совершено 23 миллиона преступлений, и каждый сотый гражданин находится в тюрьме. США занимает первое место в мире по числу совершаемых преступлений. Не правда ли, США стала тюрьмой народов. Причем, США в своей политике борьбы с преступностью занимает позицию применения суровых наказаний и жесткого полицейского контроля за поведением людей. Тогда как в Японии, придерживающейся национальных традиций в разрешении конфликтов, число преступлений в 20 раз меньше.

Поэтому очевидно, что в условиях модерна и секуляризации культуры, юридические регуляторы, хотя и начинают превалировать, но все-таки не способны обеспечить стабильность, порядок и справедливость в жизни общества. Назрела необходимость пересмотра утвердившейся концепции господства права в пользу актуализации спящих, традиционных регуляторов поведения людей – религии, нравственности, традиций. В противном случае общество ждет либо тотальное рабство, как в современных полицейских государствах Запада,

²³⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: «Эксмо», 2003. С. 521 – 522.

²³⁵ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: «Эксмо», 2003. С. 541.

либо окончательное разрушение и хаос. Сердцевина в душе, совести человека, его нравственности, но не в бездушных и формальных законах, показывающих свое бессилие в борьбе с антиобщественным поведением.

По нашему глубокому убеждению, заблуждением является мнение председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, который в интервью «Российской Газете» говорит: «попытка использовать в обществе определенного типа традиционные, но устаревшие правовые регуляторы – провальна... Мировой опыт не дает оснований для утверждения о том, что возврат в традиционное общество вообще возможен... даже самые радикальные почвенники лишь мечтают о том, что их страна вернется к добрым старым временам и традиционным регуляторам... Они пытаются запихнуть «паровой двигатель»... даже не в электровоз, а в «самолет». Понятно, к чему это приводит! К системной дерегуляции, и только... европейские общества переходили, спасаясь от хаоса, от традиционности к модерну. Так возникали иные типы идентичности, иные соотношения между правовой сферой и совокупной реальностью. В рамках этих новых отношений общество поклоняется праву как тому, что только и может скомпенсировать новые формы социального неравенства... В ядре общества модерна – почитание права. Превращение права в эффективную светскую религию...»²³⁶.

В этих словах звучит апофеоз развития культа права и резкое неприятие истории и традиций как регуляторов жизни общества. С автором вышеприведенных строк было бы трудно спорить, если бы пресловутый мировой опыт показал эффективность закона и достижение на основе юридических средств общественного идеала. Превращение права в религию – замена свободы духа преклонением перед рабством мертвой буквы закона. Превращение брэнного, земного в фетиш, культ лишает человека чего-либо постоянного, устойчивого, вечного. Преклонение человека перед одним только государством и его законом унижает человеческое достоинство, лишает его свободы духа.

Такой культ права вне религиозных идеалов порождает две крайности – человекобога и как следствие хаос, вызванный борьбой друг с другом человекобогов, или тоталитарный строй, в котором люди подобно машинам исполняют бесчисленные нормативные требования, поскольку не способны к свободному, творческому поведению вследствие отсутствия в них человеческих, нравственных качеств.

---

²³⁶ Зорькин В. Необходима осторожность. Путь России к праву//Российская газета. 2010. 16 апреля. № 5160.

Блестящим ответом на размышления В.Д. Зорькина могут быть слова Ф.М. Достоевского из «Братьев Карамазовых» о том, что лишь вера может удержать человека от преступного злодейства: «Ведь если бы теперь не было Христовой церкви, то не было бы преступнику никакого и удержу в злодействе и даже кары за него потом, то есть кары настоящей, не механической, как они сейчас сказали, и которая лишь раздражает в большинстве случаев сердце, а настоящей кары, единственной действительной, единственной устрашающей и умиротворяющей, заключающейся в сознании собственной совести... Все эти ссылки в работы, а прежде с битьем, никакого не исправляют, а главное, почти никакого преступника и не устрашают, и число преступлений не только не уменьшается, а чем далее, тем более нарастает. Ведь вы с этим должны же согласиться. И выходит, что общество, таким образом, совсем не охранено, ибо хоть отсекается вредный член механически и ссылается далеко, с глаз долой, но на его место тотчас же появляется другой преступник, а может, и два другие. Если что и охраняет общество даже в настоящее время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести. Только осознав свою вину как сын Христова общества, то есть церкви, он сознает и вину свою пред самим обществом, то есть пред церковью. Таким образом, пред одной только церковью современный преступник и способен сознать вину свою, а не то что пред государством»²³⁷.

Человек, не имеющий ничего святого, бессовестный, не то, что преступит закон государственный, а перейдет и нравственные границы и разорвет связь с обществом. Наивно полагать в современных условиях, что государственный закон может решить проблему борьбы с преступностью. Предупредить преступление закон оказывается неспособен, а самого преступника не исправляет, а только изолирует от общества. Почвенники предвосхитили опасные последствия секуляризации сознания человека – формирование человекобога, которому все дозволено и не может быть никаких нравственных, и тем более юридических границ. Поэтому будущее за тем обществом, которое бережно хранит свои религиозные заветы и традиции, заботится о чистоте совести людей. Идея «если нет Бога, то все дозволено» постепенно ведет бездуховные общества к своей гибели и никакой закон не может удержать безбожных людей от злодейства.

В диалоге Ивана Карамазова с чертом, своей совестью, обнаруживается разлагающее влияние атеизма на человечество. Черт говорит

---

²³⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: «Эксмо», 2003. С. 67 – 68.

Ивану Карамазову: «По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело!... Раз человечество отречется поголовно от Бога, то само собою, без антропофагии, падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит все новое. Люди совоюются, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом Божеской, титанической гордости и явится человеко-бог. Ежечасно побеждая уже без границ природу, волю своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение столь высокое, что оно заменит ему все прежние упования наслаждений небесных. Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет свою смерть гордо и спокойно, как Бог... но так как Бога и бессмертия все-таки нет, то новому человеку позволительно стать человеко-богом, даже хотя бы одному в целом мире, и, уж конечно, в новом чине, с легким сердцем перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба-человека, если оно понадобится. Для Бога не существует закона! Где станет Бог – там уже место Божие! Где стану я, там сейчас же будет первой место... «все дозволено», и шабаш!»²³⁸.

Ф.М. Достоевский среди почвенников глубоко раскрыл природу государственного наказания и пришел к выводу, что ни превентивной, ни воспитательной функции наказание, даже самое тяжкое и жестокое, не выполняет. Тюрьма, лишение свободы человека с принудительным трудом и коллективной жизнью по принуждению действительно жесткие наказания, но исправление с их помощью невозможно. И статистика рецидива преступлений и в XXI в. подтверждает истинность суждений писателя, который на личном опыте, на каторге убедился в бессмысленности и неэффективности тяжелых наказаний. Здесь государство лишь мстит и изолирует преступника, но не перевоспитывает его, его испорченную, потерявшую благодать душу. В интервью Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев в 2008 г. по поводу рецидива преступлений в России заметил: «прошлый год характеризовался увеличением динамики поступления дел в суд по всем категориям, в том числе уголовным. Каждый четвертый совершает преступление повторно. Здесь статистика настораживающая. В судах были рассмотрены дела в отношении 1 миллиона 250 тысяч человек. И наблюдается рост рецидивной преступности, - подчеркнул Лебедев, отметив, - что рост рецидивов составляет 24%. 26% из рецидивистов - это те, кто были освобождены условно или условно досрочно, причем 32% совершают преступления в

---

²³⁸ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: «Эксмо», 2003. С. 664 – 665.

период отбывания условного наказания». Цифры сами говорят за себя. Государство ничего не может противопоставить росту преступности и достичь исправления осужденных за преступления.

Ф.М. Достоевский еще в XIX в. писал о том, что осужденные на каторге не раскаивались в содеянном противозаконном деянии: «Вряд ли хоть один из них сознавался внутренне в своей незаконности... В продолжение нескольких лет я не видал между этими людьми ни малейшего признака раскаяния, ни малейшей тягостной думы о своем преступлении и что большая часть из них внутренне считает себя совершенно правыми...». И как точно и глубоко прочувствовал великий писатель порочность государственной системы наказаний за злодеяния: «Конечно, остроги и система насильных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие. В преступнике же острог и самая усиленная каторжная работа развивают только ненависть, жажду запрещенных наслаждений и страшное легкомыслие. Но я твердо уверен, что знаменитая келейная система достигает только ложной, обманчивой, наружной цели. Она высасывает жизненный сок из человека, энервирует его душу, ослабляет ее и потом нравственно иссохшую мумию, полусумасшедшего представляет как образец исправления и раскаяния»²³⁹.

Почвенники предложили альтернативу слабой государственной системе юридического регулирования поведения людей и в особенности перевоспитания преступивших через закон собственной совести. Во главе угла должна быть христианская идея всепрощения, сострадания и братской любви. Как следствие христианская модель исправления порочных людей должна строиться на следующих началах:

- отношение к преступнику как к несчастному, разорвавшему связь с благодатью соборного общения людей;
- сохранение братского, милосердного отношения к согрешившему;
- возможность нравственного, духовного перерождения и возрождения преступника с возвращением его в лоно церкви.

В «Братьях Карамазовых» старец Зосима сравнивает государственный суд над преступником с христианским отношением к

---

²³⁹ Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. – М.: АСТ, 2004. С. 218 – 220.

оступившемуся: «И что было бы с преступником, о Господи! Если б и христианское общество, то есть церковь отвергло его подобно тому, как отвергает и отсекает его гражданский закон? Что было бы, если б и церковь карала своим его своим отлучением тотчас же и каждый раз вослед кары государственного закона? Да выше не могло бы и быть отчаяния, по крайней мере для преступника русского, ибо русские преступники еще веруют... Но церковь, как мать нежная любящая, от деятельной кары сама устраняется, так как и без ее кары слишком больно наказан виновный государственным судом, и надо же его хоть кому-то пожалеть... кроме установленных судов, есть у нас, сверх того, еще и церковь, которая никогда не теряет общения с преступником, как с милым и все еще дорогим сыном своим, а сверх того, еще и сохраняется, хотя бы даже только мысленно, и суд церкви, теперь хотя и не деятельный, но все же живущий для будущего, хотя бы в мечте, да и преступником самим несомненно, инстинктом души его, признаваемый... если бы действительно наступил суд церкви, и во всей своей силе, то есть если бы все общество обратилось лишь в церковь, то не только суд церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но, может быть, и вправду самые преступления уменьшилось бы в невероятную долю. Да и церковь, сомнения нет, понимала бы будущего преступника и будущее преступление во многих случаях совсем иначе, чем ныне, и сумела бы возратить отлученного, предупредить замышляющего и возродить падшего. Правда, - усмехнулся старец, - и теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывают все же незыблемо, в ожидании своего полного преобразования из общества как союза почти еще языческого во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено свершиться!»²⁴⁰.

Резюмируя высказывания Ф.М. Достоевского, можно сказать, что идеалом христианского устройства общества будет постепенный переход от государственных и юридических институтов к свободному принятию каждым человеком нравственного закона своей собственной совести. Совестьливый человек не нуждается в государстве и законе и творит добро без внешнего принуждения и давления юридических норм. Говоря словами Федора Михайловича справедливое и христианское устройство – это такое, в котором «я хочу не такого общества, где я не мог делать зла, а такого именно, где я мог бы делать зло, но сам не хотел его делать».

---

²⁴⁰ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: «Эксмо», 2003. С. 67 – 68.

Западная модель борьбы с преступлением все силы бросила на обеспечение такого контроля за человеком, чтобы он не мог из-за страха осуждения и наказания, не мог совершить преступления. В такой модели абсолютно безразлично состояние души человека, его свободный и добровольный нравственный выбор. Главное, что бы он внешне был лоялен по отношению к власти. Однако, никакой контроль или его слабость не удержат слабых духом людей от зла.

Поэтому единственный путь в развитии общества лежит в плоскости нравственного самосовершенствования личности и создания строя на высоких требованиях к совести человека. Высшие функции правосудия в трактовке почвенников должны быть не у государственного суда, а у суда общины, суда совести и Божьего суда. Придание руководящего значения юридическим средствам отдаляет человечество от общественного идеала и позволяет подспудно разлагаться душевному складу человека. Когда все внимание перенесено на внешне правомерное поведение безотносительно к нравственному основанию поступков, тогда и совесть человека может навсегда замолчать.

Справедливо будет сказать, что мировоззрение почвенников расходится с основополагающими положениями юриспруденции, построенной на базе юридического позитивизма, чтущего букву закона безотносительно к его целям, содержанию и социальным, нравственным последствиям. Так, афоризм Сенеки, полностью разделяемый почвенниками, - «задуманное, пусть и не осуществленное, преступление все же есть преступление», противоречит идея правоведения о наказании за действительное зло – вредные для общества поступки. То, что в душе у человека причины преступления, а не во внешней одной среде, для юристов немислимо. Вместе с тем верно то, что в душе следует искать корни зла и греха, и что нет более страшного наказания как угрызения собственной совести и страх перед потерей благодати соборной любви.

Ф.М. Достоевский не раз по поводу целого ряда юридических дел критически высказывался о бессовестности адвокатского сословия и слабости государственного суда, в том числе с участием присяжных заседателей. Очень часто писатель спорил с представителями юриспруденции и социологии по вопросу о причинах преступлений. Он отрицал влияние общественной среды на душу преступника и искал зло в его воспитании, культуре, глубинах духа человека. Писатель указывал: «Те же, отступники

дела, волки в овечьем стаде, что бы ни представляли в свое оправдание, как бы не оправдывались, например хоть средой, которая заела и их в свою очередь, всегда будут правы, особенно если при этом потеряли и человеколюбие. А человеколюбие, ласковость, братское сострадание к больному иногда нужнее ему всех лекарств. Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела. Это, положим, правда, что она многое в нас заедает, да не все же, и часто иной хитрый и понимающий дело плут преловко прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и просто подлость, особенно, если умеет красно говорить или писать»²⁴¹.

По поводу адвокатов Федор Михайлович замечал: «слышится народное слово: «адвокат – нанятая совесть»; но главное, кроме всего этого, мерещится нелепейший парадокс, что адвокат и никогда не может действовать по совести, не может не играть своей совестью, если б даже и хотел не играть, что это уже такой обреченный на бессовестность человека и что, наконец, самое главное и серьезной во всем этом то, что такое грустное положение дела как бы даже узаконено кем-то и чем-то, так что считается уже вовсе не уклонением, а, напротив, даже самым нормальным порядком»²⁴².

По делу Джунковских, Кронеберга, связанных с насилием родителей по отношению к детям, писатель подчеркнул бесперспективность рассмотрения семейных дел государственным судом. Обвинение родителей и лишение их родительских прав приведут лишь к окончательному распаду и так пошатнувшейся семьи. Ребенок, воспитанный вне своей семьи, будет испытывать страдания в отсутствие родительской любви. Выход Ф.М. Достоевский видел в том, чтобы такого рода конфликты разрешались общиной верующих и имели своей главной целью сохранение семьи и заботу о детях. И в целом, писатель стоял на позиции разрешения споров соборным единством и на основе традиционных механизмов и средств, например, мирской сходки крестьян.

Таким образом, христианская концепция государства и права почвенников может быть сведена к следующим постулатам.

---

²⁴¹ Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. – М.: АСТ, 2004. С. 374.

²⁴² Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн.1.: Дневник писателя. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. С. 219.

Во-первых, государство и право признаются служебными, вынужденными средствами борьбы с проявлениями зла и агрессией со стороны внешних врагов.

Во-вторых, идеалом общественного и государственно-правового развития для почвенников является превращение принудительно организованного общества в свободную, соборную общину верующих – церковь.

В-третьих, идеалом земного государства по мысли почвенников является самодержавие, основанное на патриархальных, органических отношениях народа с царем и предполагающее широкую автономию местного самоуправления.

В-четвертых, почвенники отдавали первенство религиозно-нравственным регуляторам поведения, подчеркивая слабость и ограниченность закона в жизни общества. Поступок человек определяется его совестью, верой, а не требованиями закона, которые рассчитаны лишь на тех порочных людей, которые не совершают зла из-за страха перед наказанием. Почвенники по сути дела сформулировали закон, согласно которому потеря религиозных основ человеком приводит к его нравственному беззаконию, возрастанию юридических начал, но не обеспечивающих как прежде совестливого поведения людей.

В-пятых, выступая за сохранение и возрождение традиционных христианских основ жизни, почвенники указывали на слабость законов в удержании преступников от зла и его перевоспитании. По их мнению, необходимо постепенно вопросы осуждения за зло, исправления преступника передавать в руки соборной церкви – самой общины верующих, что позволит преступнику почувствовать муки совести, раскаяться и снова войти за свои добрые дела в церковь, получив благодать Бога.

В-шестых, почвенники предлагали альтернативы формализованному государственному правосудию – суд общины, суд совести, Божий суд, способные нравственно перевоспитать оступившегося человека и предотвратить новые проявления греха, зла и преступлений.